

УДК 94(476.7)

В. Н. БОСАК, С. В. БАСОВ

Беларусь, Брест, БрГТУ

БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА: ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ ДО XX СТОЛЕТИЯ

На западе Республики Беларусь расположен уникальный уголок природы – Беловежская пушта, в настоящее время имеющая статус национального парка. История этого древнего леса, тесно связанная с богатейшими охотничьими угодьями, с обитающим в его чащах реликтовым видом – зубром, уходит в глубину веков, обросла многими легендами.

1000 лет назад Беловежскую пушту населяли:

- северную (наибольшую ее часть) – ятвяги;
- юго-западную – наревляне;
- юго-восточную – дреговичи.

Климат в те времена отличался большей влажностью, чем нынешний, ландшафты представляли собой сплошные массивы леса от Балтики до Буга с обилием болот. Территория пушты, в отличие от окружающей местности, не затоплялась половодьями, занимая возвышенность, составляющую водораздел Немана, Буга и Припяти.

Первые летописные упоминания о пуште можно отнести ко временам правления киевского князя Владимира, который положил начало непрерывным войнам, закончившимся в конце XIII в. полным истреблением ятвягов. На местах вырубленных лесов князь селил своих людей – так появились первые поселения Бельск и Мельник. Обороняясь от ятвягов и литовцев, русские князья стали строить города вокруг пушты: Берест, Слоним, Дрогичин, Гродно. Новые города, как тогда было принято, укреплялись сторожевыми башнями – вежами [1; 2].

В XIII в. – наиболее драматичном для коренного населения пушты – постоянные войны славян с поляками и мазовшанами, Тевтонским орденом. Пользуясь смутой военного времени, среди мелких литовских племен выделился и объединил их под свое начало Миндовг. Впоследствии он, Даниил Романович (князь Владимир-Волынский) и поляки вкупе истребили ятвягов.

На рубеже XIII–XIV вв. князь Владимир Василькович Волынский основал в лесистой местности при слиянии рек Лесны и Белой г. Каменец

(по одной из легенд, вежа у него была якобы белой). До XVII в. пуща называлась Беловежско-Каменецкой и только затем – Беловежской [1; 3].

В течение двух веков – XIII и XIV – в пуще господствовали литовские князья. На то время пуща занимала пространство почти в 20 кв. верст, что значительно больше нынешней ее территории. До наших дней дошли упоминания о грандиозных охотах князя Ягайло, впоследствии взошедшего на польский престол. Традиционно перед военными походами в лесах пущи шла заготовка провианта для войска.

Пуща всегда являлась собственностью князя, и только князьям принадлежало право охоты на крупного зверя. От литовских князей право охоты последовательно перешло к польским королям и к русским императорам, затем – к коммунистическим вождям. Правители вводили и порядки в свои охоты. Так, при русских князьях возник служебный персонал ловчих (т. н. ловчий наряд).

При польских королях охота перестала быть первой необходимостью, превратилась в привилегированную забаву. Потомок Ягайло – Сигизмунд I Старый – в местечке Наревк основал охотничий дом с флигелями. За охотничьими угодьями установили надзор. В пуще поселили стражу из 277 семейств стрелков. Сигизмунд издал первый закон об охране лесов и охоты (27 февраля 1538 г.) – лесной устав, который был издан на славянском языке. Первая статья данного закона утверждала должности лесничих, вторая – воспрещала рубку в казенных лесах без разрешительного билета за подписью короля.

В XVI в. ввиду незаинтересованности королевской династии в охоте произошла массовая раздача беловежских лесов польской и литовской шляхте, вследствие чего значительно сократилась площадь пущи. Во времена правления Сигизмунда-Августа Григорий Волович осуществил инвентаризацию королевских угодий, в том числе и Беловежской пущи. Спустя 10 лет, по инициативе приближенного к королю Петра Фальчевского в лесах пущи поставили 4 железодельных, огромный поташный и ряд смолокурных заводов, нанеся пуще колоссальный вред. Следы этих производств сохранялись еще долгое время – вплоть до начала XX в. И только один из польских королей со времен Сигизмунда Старого – Стефан Баторий – проявил интерес к охоте. Впервые при нем в пуще выловили двух зубров, одного из которых отправили в Краков, другого – в Варшаву.

По смерти Стефана Батория (1586) в пуще наступил период полного затишья, длившегося более 100 лет. Равнодушие к охоте Сигизмунда III Шведского и его сына Владислава IV привело к исчезновению в 1627 г. тура и к массовому истреблению зубра, лося, оленя и других зверей по всей Литве и Польше. Тем не менее при Владиславе IV была составлена «ординация» – порядок управления всеми коронными лесами. Тогдашние

границы пуши включали около 150 000 десятин. Высший надзор за пушей был вверен Беловежско-Каменецкому лесничеству (резиденция – фольварк Ямны, по дороге между с. Королев Мост и м. Каменец-Литовск.

С избранием на польский престол в 1698 г. курфюрста саксонского Августа III, по натуре страстного охотника, пуща снова ожила. Появились егеря-саксонцы. Современникам запомнились пышные, зрелищные королевские охоты с многочисленными гостями и челядью. Для короля был построен новый дворец (Новый Беловеж), судьба которого впоследствии оказалась весьма печальной. В 1812 г. австрийские войска разграбили замок, а полное разорение его закончилось во времена Польского восстания 1830 г.

В 1794 г., после раздела Речи Посполитой, пуща перешла во владение российских императоров. Это событие ознаменовалось щедрой раздачей Екатериной II беловежских угодий своим приближенным.

В первые годы российского правления в пуще процветало браконьерство. За определенную плату истреблялись все звери, кроме зубра. Однако судьба последнего также не была завидной: к 1809 г., во времена правления Александра I, численность этого зверя упала до катастрофически низкого уровня в 350 голов.

Накануне Отечественной войны 1812 г., в мае 1811 г., в пуще возник огромный лесной пожар. Причина, по которой загорелся лес, осталась невыясненной. Ввиду отсутствия на те времена квартальных просек, большой захламленности, пожар бушевал 4 месяца, уничтожив огромную площадь реликтового леса. Все людские попытки погасить пламя не увенчались успехом, лишь в октябре его погасили затяжные дожди.

Война 1812 г. принесла пуще еще большее разорение. Усилилось браконьерство: зверя истребляли проходившие войска как с одной, так и с другой стороны. Но особенно большой урон фауне беловежских лесов причинили партизаны, базировавшиеся на их территории. По окончании военных действий в пуще были разрешены и проводились сплошные рубки, что усугубило и без того ее плачевное состояние. Правда, вскоре спохватившиеся власти совершили очередную, не меньшую глупость – запретили всякие рубки и охоту. Из-за этого в окрестностях расплодилось много хищников, особенно волков. В конце 20-х гг. XIX в. волки стали настоящим бедствием для всего округа. Департамент государственных имуществ министерства финансов, в чьем ведении тогда находилась пуща, разрешил отстрел волков два раза в год, в течение двух недель осенью и зимой, да и то только немногочисленной лесной страже. Понятно, такая мера положительных результатов в борьбе с волками не принесла.

30-е годы XIX в. – одни из самых тяжелых для пуши. Весь служебный персонал и местные крестьяне присоединились к Польскому восста-

нию (1830–1831). В пушанских лесах укрывались многочисленные отряды повстанцев, которые отчаянно и беспощадно браконьерили. После подавления восстания случился новый пожар, полностью сжегший два урочища. В конце 30-х гг. на пушу обратил внимание департамент корабельных лесов: по его инициативе было вырублено большое количество вековых дубов и сосен. Лучшие насаждения оказались сильно изреженными.

После столкновения интересов двух департаментов – государственных имуществ министерства финансов, с одной стороны, и корабельных лесов, с другой, в 40-х гг. XIX в. пуше дали, наконец, лесоустройство. По его проведению выяснилось, что главной, наиболее многочисленной лесообразующей породой являлась сосна; она занимала 2/3 общего лесного пространства, под елью находилась 1/5 его часть, под дубом – 1/30, все остальное было покрыто различными лиственными и отчасти хвойными породами. Пушу впервые разбили на кварталы: основной массив был поделен на 541 двухверстный квартал, а Свислочская дача – еще на 125 таких же кварталов. Помня о печальных последствиях недавних пожаров, кварталы разделили просеками. В отношении надзора за лесным хозяйством пушу разбили на 5 лесничеств: Беловежское, Бровское, Гайновское, Столповисское, Окольніцкое. Каждое лесничество, в свою очередь, делилось на два объезда и 12 обходов.

В следующем десятилетии пушу разделили на две зоны, что объяснялось поведенческими особенностями зубра. Звери придерживались одного района площадью до 70 000 десятин и с неохотой покидали его территорию. Здесь хозяйственная деятельность была сильно ограничена. В другой части пуши велось более интенсивное хозяйство. Между этими двумя зонами соорудили заборы, не принесшие, как впоследствии выяснилось, никакой пользы: мелкая дичь проскакивала между пролетами, а крупная просто ломала их. Еще одно примечательное событие для пуши тех лет – массовая рубка сосны по инициативе берлинской фирмы «Бугенгаген» в лице предприимчивого купца Зигмунда. Из-за этого мероприятия пуша сильно поредела крупным лесом.

Таким образом, со времени перехода пуши в русское владение 70 лет подряд царских охот не проводилось. Богатейшее царское угодье вследствие этого пришло в состояние запустения. Захват нелесных угодий поселенцами, браконьерство и высокая численность хищников, прежде всего волков, обусловили невысокую численность в пуше зубра, лося. К 60-м гг. XIX в. почти не стало и медведя, которого истребили под предлогом его хищничества в отношении зубра. С другой стороны, сравнительно хорошо жилось в пуше пернатым. На то время было много глухаря, тетерева, рябчика, вальдшнепа.

В таком состоянии застал пушу император Александр II, прибывший в 1860 г. в Беловежье поохотиться на зубров; последних числилось в это время по учетным ведомостям до 1575 голов. К приезду царя в селе Беловежье обратили в охотничий павильон старинный дом. Ко дню охоты лесничий Штральборн и унтер-егермейстер Иванов с 14 офицерами корпуса лесничих, 10 объездчиками, 90 стражниками из постоянной лесной стражи, 120 полесовщиками, со стрелками, осочниками и 2 000 крестьян загнали в заранее огороженное тыном обширное лесное пространство в 550 десятин (урочище Грибовец) 117 зубров, 3 лося, 14 даниэлей (ланей), 23 кабана, 36 коз, 17 волков, 15 лисиц, 14 барсуков – всего 339 единиц, в том числе 100 зайцев. Много зверей пало при загоне к зверинцу. Охота началась 6 октября и велась два дня. Стрельба велась из 12 штандов (маленьких крытых галерей) на просеке в 300 саженой длиною. Всего в оба дня царской охоты было добыто 28 зубров, 2 лося, 10 ланей, 11 кабанов, 16 волков, 16 коз, 7 лисиц, 4 барсука, 2 зайца.

Спустя два года в память об этой грандиозной охоте при въезде в бывший зверинец, с левой стороны от дороги из Гайновки в Беловежье, недалеко от царского штанда, воздвигли памятник в виде фигуры зубра, отлитого из чугуна на заводе Огарева в Петербурге.

После посещения пуши императором были осуществлены серьезные меры по сохранению и размножению дичи. Неистребимых доселе волков быстро и эффективно вывели стрихнином, поскольку облавные охоты были нерезультативны. В 1865 г. с разрешения императора выловили четырех молодых (трехгодовалых) зубров для отправки князю Плессе в Прусскую Силезию. В обмен на зубров князь прислал в пушу 20 оленей, 6 самцов и 14 самок.

Новое польское восстание 1863 г. принесло в пушу новые беды. Многочисленные отряды повстанцев укрывались в беловежских лесах, истребляя не только всякую живность, но и мирное население, не присоединившееся к восстанию. В целом лесных обитателей успешно истребляли как регулярные войска, так и повстанцы с мирными жителями. В течение только одного этого года недосчитались 377 зубров.

Ввиду особого статуса, со второй половины 60-х гг. XIX в. начали практиковать зимний прикорм зубров, который ведется и поныне.

С 1877 г. гродненский управляющий государственными имуществами ввел в пуше хозяйственную рубку с 10-летним оборотом, ограничиваясь главным образом вырубкой сухостойных и перестойных деревьев. По окраинам пуши, во внезубровых стоянках, повели почти такое же хозяйство, но уже на чисто коммерческих основаниях. Таким образом, уже с конца 70-х гг. XIX в. пуша стала приносить доход.

В отношении системы надзора после 1860 г. произошли самые значительные изменения. Сначала учредили должность заведующего пущей и завели специальных зубровых сторожей; объездчикам стали платить по 50 рублей, давая от казны обмундирование и лошадь. С 1872 г. заведующего пущей сменил лесной ревизор. Таким образом, в 80-х гг. XIX в. пущей управлял ревизор, а каждым из пяти лесничеств – лесничий, имевший помощника. Низший служебный персонал состоял из 14 объездчиков и из 102 лесных и 10 зубровых сторожей.

На протяжении 70–80-х гг. в пуще время от времени проводились охоты великих князей и приглашенных высокопоставленных чиновников и дипломатов, в том числе иностранных. Ввиду явных недостатков в ведении хозяйства в пуще было принято решение о передаче этого угодья в состав удельных имений (1886). 18 сентября 1888 г. император Александр III утвердил решение о передаче Беловежской пущи вместе со Свислочской дачей в уделы. Управление ею перешло в руки Удельного ведомства в обмен на земли царя в Орловской и Симбирской губерниях. Было проведено новое лесоустройство. Работу по его проведению организовал профессор Н. К. Генко. Согласно этому лесоустройству, вдвое уменьшился размер лесных кварталов (1×1 версту), они были пронумерованы. Площадь пущи на то время и вплоть до Октябрьской революции составляла 115 114 десятин (125 782 га). Лесоустроителями была запланирована рубка леса в количестве 186,5 тыс. м³. Позже размер рубки был увеличен до 269 тыс. м³.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карцов, Г. Беловежская пуца / Г. Карцов. – СПб., 1903. – 295 с.
2. Памятники природы Белоруссии / В. М. Белков [и др.]. – Минск, 1986. – 176 с.
3. Семаков, В. Природные и рукотворные памятники Беловежской пущи [Электронный ресурс] / В. Семаков // Национальный парк «Беловежская пуца» : интернет-сайт. – Режим доступа: <http://bp21.org.by/ru/art/a070418.html>.